БИОГРАФИЯ
П. ЛАВРОВА

2-э

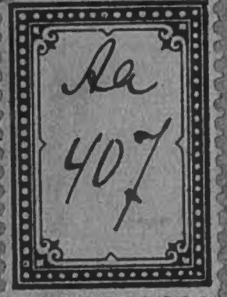

ИЗДАНІЕ „РАБОЧАГО ЗНАМЕНИ“.

БІОГРАФІЯ ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА.

(Очеркъ его жизни и дѣятельности съ приложеніемъ портрета).

ЦѢНА 50 КОП.

Сборъ въ пользу политическихъ заключенныхъ.

ИЗДАНІЕ „РАБОЧАГО ЗНАМЕНИ“.

БІОГРАФІЯ ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА.

(Очеркъ его жизни и дѣятельности съ приложеніемъ портрета).

1899 г.

Сборъ въ пользу политическихъ заключенныхъ.

Отъ редакціи.

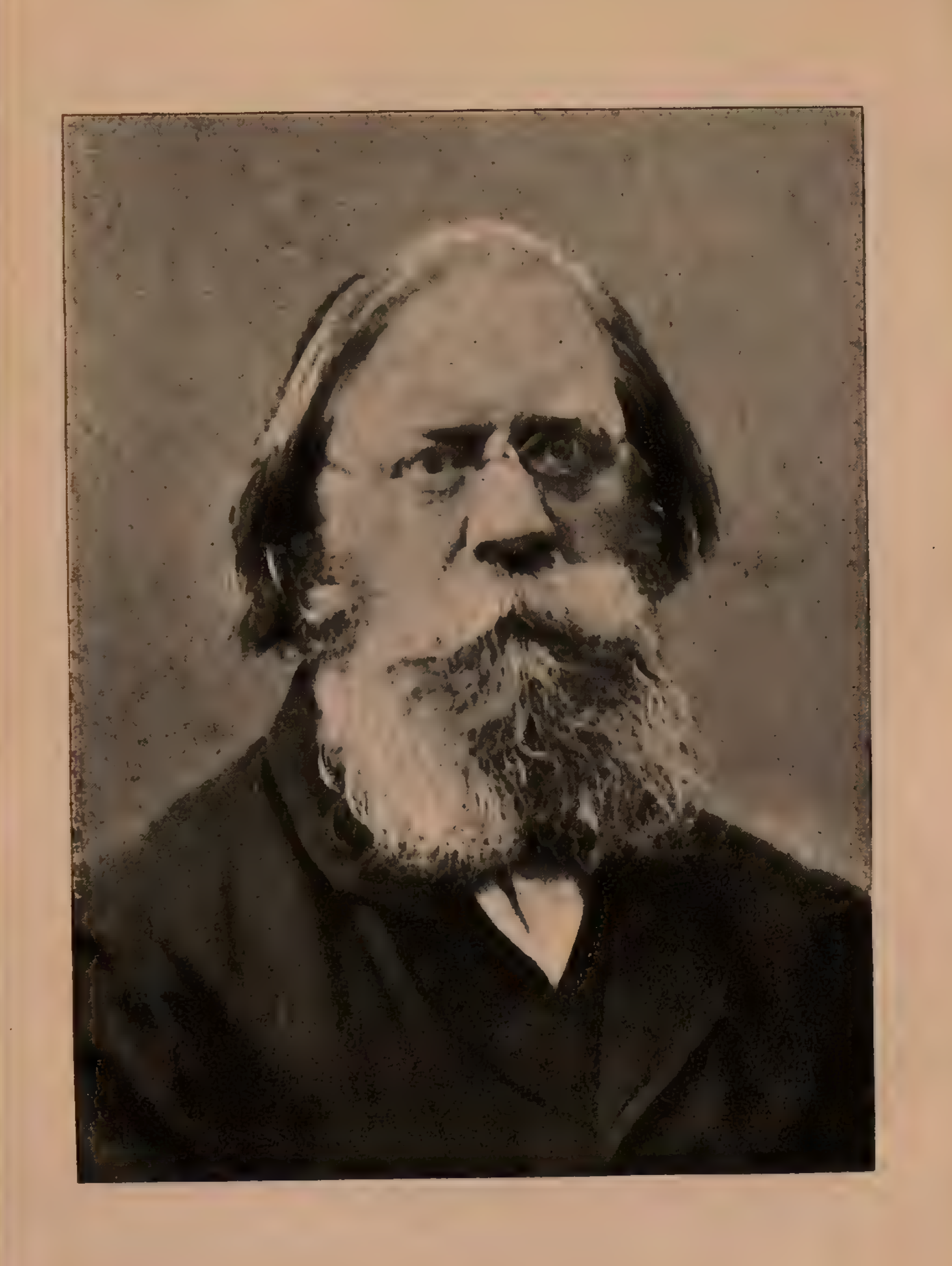
Рукопись біографіи была доставлена намъ въ іюнѣ 1898 года, и только нашествіе жандармовъ въ ночь 25-го іюля да арестъ нашей типографіи и тысячи портретовъ Петра Лавровича Лаврова, помѣшали своевременному появленію очерка. Рукопись, къ счастію, была спасена отъ погрома, и мы ее печатаемъ теперь.

Іюль 1899 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія предлагаемой біографіи. „Группа рабочихъ-революціонеровъ“, желая отпраздновать идейнымъ образомъ предстоящее 75-лѣтіе П. Л. Лаврова, рѣшила отпечатать очеркъ жизни этого замѣчательнаго мыслителя и благороднаго бойца за соціализмъ. Составленіе біографіи было поручено лицу, которое, по мнѣнію упомянутой группы, достаточно знало, цѣнило и любило П. Л. Лаврова, чтобы отнестись добросовѣстно къ возложенной на него задачѣ. Читатель найдетъ поэтому въ біографіи существенные факты изъ жизни человѣка, которому столь многимъ обязана современная мысль. Но здѣсь нѣтъ ничего, что могло бы служить пищей лишь праздному любопытству охотниковъ до сплетень и мелкихъ анекдотовъ изъ жизни общественныхъ дѣятелей.

Авторъ.

Біографія Петра Лавровича Лаврова.

I.

Петръ Лавровичъ Лавровъ родился 2/14 іюня 1823 года въ селѣ Мелеховѣ, Псковской губерніи, Великолуцкаго уѣзда, въ состоятельной помѣщичьей семьѣ. Родовое имѣніе Лавровыхъ шло отъ прадѣда Петра Лавровича. Прадѣдъ этотъ былъ — на языкѣ того времени — „генеральсъ-адьютантомъ“ графа Апраксина, одного изъ сподвижниковъ Петра I-го. У дѣда Петра Лавровича было 22 человѣка дѣтей мужскаго и женскаго пола, въ томъ числѣ и Лавръ Степановичъ, отецъ Петра Лавровича. Лавръ Степановичъ воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, томъ самомъ заведеніи, которое Екатерина II окрестила „разсадникомъ великихъ людей“. Заведеніе это было строго закрытое: лишь въ видѣ исключенія Лавру Степановичу позволено было сопровождать въ деревню заболѣвшаго глазами брата, воспитывавшагося въ томъ же корпусѣ. По выходѣ изъ военнаго заведенія, отецъ Петра Лавровича служилъ въ артиллеріи и дослужился до чина полковника, участвовалъ въ кампаніи противъ Наполеона, которая была предпринята такъ называемой четвертой коалиціей державъ, былъ раненъ при Фридландѣ (2 іюня 1807 года), вышелъ въ отставку, поселился въ имѣніи и женился на Елизаветѣ Карловнѣ урожденной Гандвигъ. Елизавета Карловна была изъ шведскаго рода, который обрусѣлъ. Отецъ ея служилъ по горному вѣдомству въ Сибири, и, если не ошибаюсь, у Петра Лавровича должны быть еще ножницы, сдѣланныя на томъ заводѣ, которымъ управлялъ Гандвигъ. Женился Лавръ Степановичъ въ 1811 году, и отъ этого брака родилось нѣсколько дѣтей, между прочимъ старшая дочь въ 1812 году, старшій сынъ — въ 1817 году, младшій сынъ, Петръ Лавровичъ, какъ уже было сказано, — въ 1823 году.

Такъ какъ сестра Петра Лавровича была старше его почти на 11 лѣтъ, а братъ на 6, то Петру Лавровичу пришлось рости и воспитываться не имѣя близкихъ сверстниковъ по возрасту. Эта ранняя жизнь въ одиночку и среди взрослыхъ людей должна была, конечно отразиться на характерѣ и умственномъ складѣ Петра Лавровича. Дѣтскія игры не только удовлетворяютъ нашему воображенію въ первые годы: онѣ являются вмѣстѣ съ тѣмъ начальной школой практической дѣятельности, пріучаютъ насъ интересоваться маленькими дѣтскими цѣлями и достигать ихъ общими усиліями. Не имѣя товарищей по играмъ и устраненный родителями отъ всякаго участія въ будничной жизни, Петръ Лавровичъ по необходимости долженъ былъ рано начать думать и чувствовать въ одиночку, изобрѣтая подходящія занятія. Книжно-романическій, отвлеченный (если можно такъ выразиться, говоря о ребенкѣ) характеръ этихъ занятій и игръ кидается въ глаза, когда узнаешь, какъ проводилъ свое время одинокій мальчикъ. Воображеніе работало страшно, но чѣмъ приходилось питаться ему? Разсматриваніемъ картинъ, рисунковъ, книгъ съ гравюрами, а вскорѣ и чтеніемъ. На этой почвѣ и происходило главнымъ образомъ вліянія родителей на впечатлительнаго, способнаго и мечтательнаго ребенка.

Отецъ былъ человѣкъ нрава крутого, любившій поддержаніе авторитета въ семьѣ и требовавшій, чтобы все въ домѣ шло разъ навсегда заведеннымъ порядкомъ. Онъ отличался вѣрноподданническими чувствами и очень не любилъ тогдашнихъ вольнодумцевъ, массоновъ и пр. Александръ I, проѣздомъ въ 1824 году въ южную Россію, откуда уже онъ болѣе не вернулся, гостилъ въ имѣніи Лавровыхъ, и осчастливленный владѣлецъ воздвигнулъ въ саду въ честь такого приснопамятнаго событія колонну съ чугуннымъ бюстомъ высокаго посѣтителя. Монархъ, сказываютъ, видѣлъ годового ребенка и чуть ли даже не приласкалъ будущаго непримиримаго врага петербургской имперіи. Проѣзжала, кажется, и останавливалась въ имѣніи Лавровыхъ и жена Благословеннаго, Елизавета. Лавръ Степановичъ былъ личнымъ другомъ страшнаго Аракчеева и ѣзжалъ къ нему въ Грузино съ своимъ маленькимъ

сыномъ. Но дружба эта была безкорыстная: старый Лавровъ никогда ничего не требовалъ для себя у всемогущаго временщика. Держась строго вѣрноподданническихъ традицій, Лавръ Степановичъ не менѣе строго держался и завѣтовъ православія. Но отношеніе его къ религіи ограничивалось лишь добросовѣстнымъ исполненіемъ обрядовъ: внутренняго чувства, а тѣмъ болѣе религіознаго фанатизма у него совсѣмъ не было, и ему даже не нравилось излишняя религіозность нѣкоторыхъ знакомыхъ его жены. Священники приглашались во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и вообще по праздникамъ, но угощеніе имъ подавалось всегда отдѣльно отъ барской семьи, въ другихъ комнатахъ. Лавръ Степановичъ построилъ даже новый притворъ въ сельской церкви и изукрасилъ его иконами святыхъ, имена которыхъ были даны домочадцамъ; но, повторяю, все это не шло далѣе простой обрядности.

Этимъ объясняется, почему, несмотря на свое православіе и вѣрноподанническія чувства, Лавръ Степановичъ, бывшій очень начитаннымъ и образованнымъ для своего времени человѣкомъ, держалъ въ своей библіотекѣ много французскихъ книгъ прошлаго вѣка, а въ томъ числѣ такія вольнодумныя сочиненія, какъ Вольтера и Большую Энциклопедію (Дидро и д'Аламбера). Кромѣ книгъ, отецъ Петра Лавровича любилъ также картины, гравюры, статуи, и былъ человѣкъ со вкусомъ: онъ самъ начертилъ планъ своего сада, и садъ вышелъ на славу. Въ домѣ было много масляныхъ картинъ, разныхъ изданій съ рисунками; ими-то и пришлось играть и развлекаться маленькому Лаврову. Была тутъ, напримѣръ, историческая хроника (на нѣмецкомъ языкѣ) съ гравюрами: ее особенно любилъ разсматривать Петръ Лавровичъ. Няня сидитъ съ барчукомъ и перелистываетъ тяжелый томъ, а ребенокъ впивается глазами въ картинки, и то радуется, то печалуется, а то и прямо заливается горючими слезами, смотря по содержанію рисунка. Съ нетерпѣніемъ ждетъ онъ, напримѣръ, когда дойдетъ дѣло до героической битвы Гораціевъ съ Куріаціями, и все время торопитъ няню: „на, на, батюшка, вотъ тебѣ твои горячіе и курячіе“, говоритъ наконецъ старушка, удачно ломая на русскій ладъ мудреныя бу-

сурманскія имена, и ребенокъ участвуетъ воображеніемъ въ знаменитомъ поединкѣ. А то была еще въ книгѣ картина, изображающая, какъ Карлъ Великій разрушаетъ статую языческаго бога Ирменсула у Саксонцевъ, и идолъ этотъ былъ нарисованъ такимъ страшнымъ, что лишь увидитъ его Петръ Лавровичъ, такъ сейчасъ же расплачется. Няня уже знаетъ, когда подходитъ роковой рисунокъ, и норовитъ провертѣть его: не тутъ то было; ребенокъ зорко слѣдитъ за нею, отстаивая свое право на всѣ привычныя ощущенія, и веселыя и горестныя, и не даетъ ей скрыть чертообразнаго идола: найдетъ, увидитъ, заплачетъ — и успокоится.

Скоро наступила и пора чтенія. Когда выучился Петръ Лавровичъ читать, онъ и самъ не помнитъ: во всякомъ случаѣ очень рано. Выучился онъ почти одновременно и по русски, и по французски. Лѣтъ въ пять — шесть онъ уже читалъ въ подлинникѣ „Нуму Попилія“, прозаическую поэму Флоріана; а вскорѣ, на восьмомъ году, подъ руководствомъ матери, женщины образованной и мягкой, выучился нѣмецкому и восторгался „Волшебнымъ кольцомъ“ Ламота Фукэ. Къ тому времени, какъ Петръ Лавровичъ сталъ сознавать себя, отецъ его уже перезабылъ нѣмецкій, который зналъ въ молодости; но за французскими книгами сидѣлъ постоянно. Вотъ ребенокъ и долженъ былъ читать по вечерамъ своимъ родителямъ различныя вещи по французски. Между прочимъ, такъ лѣтъ въ 10 онъ читалъ вслухъ драму Бомаршэ „Евгенію“ и горько плакалъ надъ злоключеніями героини.

Къ слезамъ въ это время онъ вообще былъ очень склоненъ: можетъ быть, въ томъ сказалось отчасти тогдашнее слезное настроеніе въ литературѣ и образованномъ обществѣ; но всего вѣроятнѣе на чувствительность ребенка вліяло его необыкновенно тепличное воспитаніе. Его воспитывали „какъ дѣвочку“; изъ сада онъ никуда не могъ отлучиться одинъ; когда наступали жаркіе лѣтніе дни, и начиналось купанье, ребенку ни за что не позволяли входить въ рѣку: на берегъ приносилась ванна, въ ванну наливалась рѣчная вода, а въ воду сажался молодой барчукъ — вотъ и все купанье! Шалить ребенокъ не любилъ и охотно слушался родителей, когда тѣ предлагали

ему почитать какую нибудь книгу. Кромѣ рыцарскихъ романовъ, ему особенно нравились историческія сочиненія. Нѣкоторыя, напримѣръ „Исторію“ Роллэна, онъ читалъ съ большимъ удовольствіемъ; даже Кревье, скучнаго ученика и продолжателя Роллэна, онъ одолѣлъ безъ особаго отвращенія, а ему было въ то время всего десять — двѣнадцать лѣтъ!...

Вообще же можно сказать, что годы домашняго воспитанія Петра Лавровича были главнымъ образомъ годами его самообученія. Учился онъ прекрасно, усвоивалъ все легко, но сверхъ задаваемыхъ уроковъ занимался по собственной волѣ разными вещами, интересовавшими его дѣтскій мозгъ. Такъ, онъ со страстью изучалъ ариѳметику и перерѣшилъ отъ доски до доски толстый учебникъ задачъ. Присутствуя при урокахъ англійскаго, которые давались его старшему брату, онъ самъ выучился главнѣйшимъ основаніямъ этого языка, и впослѣдствіе ему было не трудно пополнить эти первоначальныя знанія. Былъ у него русскій учитель, нѣкто Слободчиковъ, но изъ плохихъ: онъ скоро отказался отъ уроковъ, найдя, вѣроятно, что мальчику учиться у него, дѣйствительно, было нечему. Зато очень хорошее вліяніе на Лаврова имѣлъ учитель французскаго и нѣмецкаго языковъ, Берже (кажется швейцарецъ родомъ), человѣкъ образованный и съ литературными вкусами. Онъ много читалъ съ Петромъ Лавровичемъ, давая заучивать ему на память лучшія мѣста изъ Шиллера („Пѣснь о Колоколѣ“), Виктора Гюго (стихотвореніе „Lui“, обращенное къ Наполеону), Вольтера (рѣчь Заиры) и т. п.

II.

Въ 1837 году четырнадцатилѣтній мальчикъ поступилъ въ Артиллерійское училище. Круто ему приходилось первые два года въ этомъ закрытомъ заведеніи со строгой дисциплиной. Особенно донимали его товарищи, издѣвавшіеся всячески надъ робкимъ и неловкимъ новичкомъ. Петръ Лавровичъ былъ слабосильнымъ ребенкомъ и, не привыкнувъ играть дома, почти не принималъ участія и въ училищныхъ шумныхъ забавахъ и физическихъ упражненіяхъ. Но къ шестнадцати

годамъ его здоровый отъ природы организмъ быстро развернулся, и Лавровъ очень сильно возмужалъ и выросъ. Такъ, при поступленіи въ училище онъ былъ помѣщенъ въ третій взводъ, а два года спустя онъ уже былъ вторымъ по росту во всемъ училищѣ, уступая лишь правому фланговому. Къ тому времени около умнаго и способнаго юноши составился цѣлый кружокъ близкихъ друзей, и жить стало уже не такъ тяжело: было съ кѣмъ поговорить по душѣ, обмѣняться мыслями; молодые люди много читали и разсуждали по поводу прочитаннаго, пробовали и сами писать. Петръ Лавровичъ питалъ страсть къ писательству съ самаго дѣтства и рано сталъ сочинять стихи. Когда онъ поступалъ въ училище, на его совѣсти уже было нѣсколько литературныхъ — конечно, ненапечатанныхъ — грѣховъ въ видѣ драматическихъ сценъ, а года три — четыре спустя (въ 1840 или 1841 г.) одно изъ его стихотвореній было даже помѣщено за его подписью въ „Библіотекѣ для чтенія“, издававшейся Сенковскимъ (барономъ Брамбеусомъ).

Очень интересно, что уже годамъ къ пятнадцати у Лаврова была своя философія, и эту философію онъ выражалъ въ стихахъ: ее онъ называлъ фатализмомъ, а теперь ее назвали бы детерминизмомъ. Онъ уже въ то время глубоко былъ убѣжденъ, что все на свѣтѣ совершается фатально, неизбѣжно, на основаніи вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ. Самъ богъ, въ котораго онъ еще вѣрилъ въ то время, создалъ, по его мнѣнію, эти вѣчные законы, но измѣнить ихъ уже не могъ. Значитъ, на дѣлѣ-то законы эти замѣняли волю божію и были выше ея, такъ что во всей вселенной не оставалось мѣста для чудесныхъ дѣйствій Промысла. Приблизительно въ это же время въ одномъ изъ французскихъ сочиненій Петръ Лавровичъ нарисовалъ типъ человѣка, который отрицаетъ устои современнаго общества и смѣется надъ ними; опытъ этотъ удался и понравился учителю. Вѣря въ бога, какъ только что было сказано, Петръ Лавровичъ полагалъ, что идея верховнаго существа годится особенно по своей возвышенности для поэзіи; но уже не придавалъ никакого значенія обрядамъ православія и вообще религіи. Въ эту пору

онъ находился еще подъ вліяніемъ французскихъ эклектиковъ-деистовъ, въ родѣ Виктора Кузена. Съ матеріализмомъ онъ познакомился нѣсколькими годами позже, лѣтъ въ двадцать, отчасти путемъ разговоровъ съ однимъ врачемъ изъ евреевъ, который указалъ ему, что если дѣйствительно признавать фатальность законовъ природы, то къ чему же тутъ приплетать еще бога: и безъ него, молъ, все должно происходить вполнѣ правильно и неизбѣжно.

Въ училищч же Петръ Лавровичъ сталъ впервые интересоваться политическими и соціальными идеями. Мнѣ приходилось слышать изъ устъ его разсказъ о томъ, какъ, лежа гдѣ-то на полу, онъ читалъ ночью при свѣчкѣ Исторію французской революціи Тьера и страшно увлекся описаніемъ суда надъ королемъ Людовикомъ XVI-мъ. Къ соціализму онъ сталъ приходить рано; его вниманіе было прежде всего обращено на соціалистическую критику соврoменнаго брака и современной семьи. Уже въ училищѣ на него произвела впечатлѣніе книга Отта, принадлежавшаго къ школѣ католическаго соціализма Бюшэ. Вообще же съ великими соціалистами начала этого вѣка онъ познакомился рано. Между прочимъ, совсѣмъ молоденькимъ офицеромъ онъ прочиталъ „Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи“ Фурье. Онъ пріѣхалъ лѣтомъ въ деревню къ отцу, и тотъ далъ ему эту книгу, прося просмотрѣть ее и сказать, въ чемъ тутъ дѣло: самъ отецъ принялъ было сочиненіе Фурье за агрономическій учебникъ, но остановился передъ его странными, какъ ему показалось, отступленіями отъ дѣла. Какъ бы то ни было, уже въ это время соціалистическіе идеалы были симпатичны Петру Лавровичу, но онъ лишь не видѣлъ, на что опереться для ихъ осуществленія, а потому рѣшилъ прежде всего работать для науки и справедливости и распространять ихъ въ обществѣ.

III.

Девятнадцати лѣтъ отъ роду (въ 1842 г.) Лавровъ кончилъ курсъ въ училищѣ и былъ произведенъ въ офицеры, а двадцати одного года (въ 1844 г.) былъ назначенъ преподавателемъ

математическихъ наукъ въ Артиллерійскомъ училищѣ (потомъ въ Артиллерійской академіи: ему были переданы курсы высшей математики, которые читалъ прежде знаменитый Остроградскій). Къ этимъ наукамъ Лавровъ питалъ въ то время особую склонность, и начальство очень дорожило молодымъ и способнымъ ученымъ: такъ онъ былъ приглашенъ преподавать высшіе математическіе курсы въ спеціальномъ классѣ Константиновскаго военнаго училища при его основаніи (1852 г.). Замѣчу кстати, что занимался онъ преподаваніемъ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ вплоть до самаго своего ареста, въ 1866 г., о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Женился онъ въ 1847 году, а послѣ смерти отца (въ 1852 г.) и старшаго брата (въ 1853 г.) сталъ полнымъ хозяиномъ. Бракъ былъ счастливый: жена Петра Лавровича, Антонина Христіановна урожденная Капгеръ была женщина образованная и добрая; политикой она не интересовалась, но сочувствовала вообще, какъ говорится, хорошимъ идеямъ. По происхожденію она была нѣмка: и отецъ ея и мать были, кажется, изъ сѣверной Германіи. Братья Антонины Христіановны находились на русской службѣ и двое изъ нихъ были сенаторами.

Собственно на литературное поприще П. Л. Лавровъ выступилъ лишь въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, по смерти Николая, хотя и раньше писалъ спеціальныя статьи по математическимъ и т. п. вопросамъ, а также отъ время до время занимался стихотворствомъ. Стихы эти по содержанію своему принадлежали къ числу, что называется, запрещенныхъ и ходили по рукамъ въ рукописи. Въ стихотвореніи „Пророчество“, написанномъ въ 1852 г., Лавровъ такъ обращался къ европейскимъ владыкомъ:

. . . „Вы цари земли, вы пастыри народа,
Падучею звѣздой промчится ваша власть,
И вамъ проклятіе пройдетъ изъ рода въ роды . . .
Спѣшите выситься, чтобы страшнѣй упасть!“

Онъ бодро смотрѣлъ на будущность Россіи, даже въ тяжелые дни Николаевщины, говоря въ томъ же стихотвореніи:

„Не вѣченъ будетъ сонъ, настанетъ пробужденье,
И устыдится Русь невѣжественной тьмы,
И выростетъ тогда общественное мнѣнье,
Признаетъ русскій царь народныя права,
Къ гражданскимъ доблестямъ воскреснутъ поколѣнья,
Свободно потекутъ и мысли и слова!...

Съ лучшими людьми того времени П. Л. Лавровъ раздѣлялъ либеральныя политическія убѣжденія, видѣлъ въ конституціи необходимое условіе для развитія Россіи. Этимъ свободолюбивымъ духомъ вѣетъ и отъ его другихъ стихотвореній, написанныхъ въ послѣдніе годы Николая и въ началѣ царствованія Александра II-го. Публикѣ очень нравилось, между прочимъ, его обращеніе „Къ русскому царю", которое сильно читалось въ Петербургѣ и даже, въ качествѣ запретнаго плода, было продекламировано самому автору кѣмъ-то изъ его друзей, не знавшихъ, кто написалъ его. Стихотвореніе это было на половину патріотическое и сочинено подъ вліяніемъ начавшейся Крымской кампаніи. Однако, сказавъ, что въ этой войнѣ

„Съ тобою, Царь, весь твой народъ",

авторъ сейчасъ же прибавляетъ:

„Но помни, русскій царь, ты нашей силой крѣпокъ,
Величьемъ нашимъ ты великъ,
Безъ русской доблести престолъ твой—груда щепокъ,
Народовъ мощь — есть мощь владыкъ!

Въ самой критикѣ ополчившихся на Россію европейскихъ державъ слышится не одно патріотическое негодованіе: въ ней мѣстами звучатъ радикальныя и почти соціалистическія ноты. Горячо и скорбно онъ описываетъ паденіе „великой свободной державы", Франціи, которая позволила „коронованному Картушу" (Наполеону III-му) раздавить республику:

„На этого царя французы промѣняли
Свободу мыслей и рѣчей,
Своихъ ораторовъ, героевъ изгоняли,
Цвѣтъ лучшій родины своей.

Онъ Цезаря надѣлъ тяжелую корону,
Ахилла жалкій Мирмидонъ,
И хитрый іезуитъ, продажные шпіоны,
Продажный окружили тронъ . . .“

Обращаясь къ Англіи, авторъ почти совсѣмъ близко подходитъ къ соціальному вопросу:

„Владыки Англіи, патриціи банкиры,
Всѣ ницъ предъ золотымъ тельцомъ;
Ихъ флотъ во всѣхъ моряхъ; торговля полуміра
Британскимъ скована клеймомъ . . .
А между тѣмъ межъ нихъ Ирландцы голодаютъ,
Хрипятъ подъ тягостнымъ ярмомъ,
И нищихъ милліонъ въ развратѣ изгниваетъ
Предъ раззолоченнымъ дворцомъ! . . .“

Въ другомъ стихотвореніи „Русскому народу“ (которое было напечатано Герценомъ) авторъ восклицаетъ, обращаясь къ Россіи:

„Возстань, свободная, предъ силой беззаконной,
Предъ хаосомъ властей!
Отъ неурядицы спасенье, оборону
Ищи въ душѣ своей!“

и требуетъ у царя отчета за ненавистный гнетъ, который тридцать лѣтъ висѣлъ надъ николаевской Россіей:

„Предстань, царь, предъ судомъ исторіи, народа,
Предъ божіимъ судомъ!
Ты правду отвергалъ, ты попиралъ свободу,
Ты былъ страстей рабомъ;
Россію погубилъ ты гордостью пустою
И міръ вооружилъ . . .
Смирись предъ братьями, предъ родиной святою:
Ты немощенъ и хилъ.
— Простите мнѣ, — скажи — мое забвенье, братья!
— Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ.
— Откройте грѣшнику народныя обьятья:
— Другой опоры нѣтъ . . .

Смирись! летятъ часы; пройдутъ дни испытанья;
Исторія не ждетъ ....
И грозно подъ тобой волнуется въ молчаньи
Проснувшійся народъ".

Такъ какъ уже рѣчь зашла о стихахъ, то мы выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ стихотворенія, которое было написано нѣсколькими годами позже (въ 1857 г.), когда Петръ Лавровичъ уже сталъ извѣстенъ нѣкоторыми статьями въ литературѣ. Это стихотвореніе называется „Предопредѣленіе"; въ немъ хорошо и ярко выражены тотъ философскій фатализмъ и та вѣра въ неизбѣжность законовъ, которые, какъ мы видѣли раньше, уже рано овладѣли умомъ Лаврова.

Начинается это стихотвореніе такъ:

„Нѣтъ, Богъ немилосердъ! предъ нимъ напрасны слезы,
И не сочувствуетъ людскому горю онъ;
Спокойно внемлетъ онъ и скрыпъ сухой березы,
Жужжаніе пчелы и человѣка стонъ.
Нѣтъ, онъ немилосердъ! По вѣчному закону
Одинъ вслѣдъ за другимъ кончаются вѣка,
И рушатся міры, и падаютъ короны,
И кровью пѣнится исторіи рѣка".

Далѣе авторъ показываетъ всю нищету моленій, обращенныхъ къ небу:

„И вы, скорбящіе, не ждите утѣшенья;
Молитвы ваши суть лишь бредъ души больной;
Не милосердіе, а предопредѣленье
Влечетъ израненныхъ васъ жизненной стезей".

И смѣло поэтъ, вѣрящій въ неизбѣжность законовъ для самого бога, смотритъ въ лицо неумолимой судьбѣ и говоритъ:

„... Онъ (богъ) ведетъ насъ къ неизвѣстной цѣли
По скользкому для насъ печальному пути,
Желанье каждое намъ шепчетъ съ колыбели:
Намъ больно, страшно намъ, но мы должны идти.
И въ этотъ самый мигъ онъ руководитъ мною:
Дрожитъ рука моя, но слышу гласъ: будь твердъ!

Я мыслю чрезъ тебя! Я говорю тобою —
И повторяю я: да, Богъ немилосердъ!

Тутъ уже вполнѣ видно, что эта вѣра въ божество означаетъ ни болѣе ни менѣе какъ ясное сознаніе неизбѣжности великихъ законовъ природы, съ которыми должны сообразоваться люди, не надѣясь на призрачную помощь неба. Между этимъ взглядомъ и теперешнимъ научнымъ воззрѣніемъ разница почти только въ словахъ.

IV.

Раньше было сказано, что Петръ Лавровичъ вошелъ въ литературу по смерти Николая. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ статей и замѣтокъ, онъ обратилъ на себя вниманіе статьей объ ученіи Гегеля, которая появилась въ 1856 г. въ „Библіотекѣ для чтенія", издававшейся тогда подъ редакціей Дружинина. Статья эта очень понравилесь Дружинину, который всячески старался облегчить первые шаги Петра Лавровича на литературномъ пути, и скоро Лавровъ сталъ печатать свои статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ", которыя редактировалъ Краевскій, подъ главнымъ руководствомъ Дудышкина. Тутъ, можетъ быть, будетъ кстати сказать, почему будущій соціалистъ-революціонеръ продолжалъ свою писательскую дѣятельность въ такомъ умѣренно-либеральномъ органѣ, какъ тогдашнія „Отечественныя Записки", вскорѣ вступившія въ ожесточенную полемику съ „Современникомъ". Это сотрудничество П. Л. Лаврова было въ значительной степени случайностью. Уже въ началѣ 50-хъ годовъ онъ сталъ чувствовать сильную потребность попробовать силы въ общей литературѣ: писанье спеціальныхъ и техническихъ статей совсѣмъ не удовлетворяло его. Но какъ пробить себѣ дорогу въ печати? Число органовъ было въ то время ограничено; литературныя мѣста, что называется, заняты. Порою на Петра Лавровича находило уныніе; писательская дѣятельность казалась ему неосуществимой мечтой. Но вотъ умираетъ Николай. Россія зашевелилась; общественное мнѣніе стало пробуждаться; среди публики проявился интересъ къ различнымъ вопросамъ

тогдашней современности. Оживилась сообразно съ этимъ и печать, и число органовъ замѣтно возрасло; на писателей спросъ поднялся: всякій, кто мало-мальски могъ владѣть перомъ и имѣлъ хоть что нибудь за душей, былъ желаннымъ гостемъ въ литературѣ. Съ другой стороны, общественная и политическая мысль была еще очень смутна и незрѣла въ то время: кромѣ нѣкоторыхъ наболѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ, напримѣръ освобожденія крестьянъ, улучшенія судовъ, облегченія цензурныхъ условія для печати, задачи тогдашняго времени мало кому изъ русскихъ рисовались въ опредѣленномъ свѣтѣ. Настроеніе у большой публики было праздничное, торжественное и до нѣкоторой степени комичное. То была пора хорошихъ людей и хорошихъ мыслей, но люди эти были мало подготовлены къ общественной и политической дѣятельности, а мысли эти были крайне неясны. Не было еще въ то время и такой розни между различными лагерями, какая проявилась всего четыре—пять лѣтъ спустя. Либеральничавшій Катковъ еще могъ сообща обсуждать нѣкоторые вопросы съ пріѣхавшимъ въ Москву „краснымъ“ Чернышевскимъ. Не замѣчалось пока и особенно рѣзкаго разногласія между органами печати. „Отеч. Зап.“ половины 50-хъ годовъ были не такъ далеки отъ „Современника“, какъ это обнаружилось въ началѣ 60-хъ годовъ.

Наконецъ, отличительною чертою литературной и политической дѣятельности Лаврова являются строгая послѣдовательность, постепенность и логичность его развитія: въ этомъ отношеніи его счастливую натуру можно сравнить развѣ только съ натурой Гладстона. Да и то знаменитый англійскій дѣятель едва дошелъ до политическаго радикализма, а въ религіозныхъ вопросахъ остался правовѣрнымъ протестантомъ, тогда какъ Лавровъ, можно смѣло сказать, идетъ впереди всѣхъ насъ, русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, освѣщая намъ путь и предостерегая насъ отъ различныхъ и теоретическихъ и практическихъ подводныхъ камней.

Сказанное мною достаточно объясняетъ, почему Лавровъ половины 50-хъ годовъ могъ писательствовать въ умѣренно-либеральномъ журналѣ: ему открылась случайно возможность.

исполнить наконецъ, давнишнее желаніе участія въ литературѣ, и открылась главнымъ образомъ на страницахъ „Отеч. Зап.“ —онъ и воспользовался подвернувшимся случаемъ, нисколько не поступаясь тогдашними своими убѣжденіями. Объ этихъ убѣжденіяхъ, по крайней мѣрѣ объ общемъ характерѣ ихъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ. Въ нихъ уже заключалась въ зародышѣ вся послѣдующая дѣятельность Лаврова, та славная революціонная дѣятельность, которая до сихъ поръ приводитъ въ недоумѣніе бывшихъ радикаловъ 60-хъ годовъ, примирившихся съ русской дѣйствительностью и далеко отставшихъ отъ „постепеновца“, какъ язвительно выражались они во время оно. Безпощадная критика, выработка убѣжденія, неразрывная связь между теоріей и практикой — вотъ что было всегда основною мыслью Лаврова и осталось ею по настоящее время. Мѣнялись же по мѣрѣ хода историческихъ событій и развитія самаго мыслителя лишь подробности этой умственной и нравственной задачи. Его статьи о „Личности“, вышедшія въ 1860 г. отдѣльной брошюрою, ярко ставили такое именно требованіе предъ читателемъ. Замѣчу кстати, что посвящены онѣ были „А. Г. и П. П.“, т. е. А. Герцену и П. Прудону — вотъ кого ставилъ уже въ то время нашъ „постепеновецъ“ своими учителями и идейными товарищами. Извѣстное нерасположеніе къ Лаврову въ радикальныхъ слояхъ того времени въ значительной степени объясняется именно добросовѣстностью и безпощадностью его критики, которая не щадила тогдашнихъ идоловъ. Такъ, Лаврову ставили между прочимъ, въ упрекъ его статью о матеріализмѣ („Механическая теорія мірозданія“), въ которой будто бы онъ сталъ на сторонѣ противниковъ „Современника“. Читайте эту статью: въ ней нѣтъ ничего похожаго на подобное обвиненіе. Авторъ съ большимъ уваженіемъ относится къ попыткамъ матеріалистовъ объяснить все въ мірѣ движеніемъ вещества; но онъ показываетъ, что модный въ то время матеріализмъ Бюхнера и Молешотта былъ не наукой, а метафизикой, и въ этомъ отношеніи Лавровъ совершенно правъ. Припомните только, что было сказано въ концѣ 70-хъ годовъ хотя бы такимъ матеріалистомъ, какъ Энгельсъ, по поводу наивнаго матеріа-

лизма прежнихъ лѣтъ: и у Энгельса находится такое же точно обвиненіе, какъ у Лаврова, касательно метафизичности этого ученія. Но главнымъ-то образомъ отношеніе къ Лаврову со стороны крайнихъ радикаловъ 60-хъ годовъ было основано на недоразумѣніи. Когда борьба съ начавшейся политической реакціей вызвала распаденіе оппозиціи на разныя фракціи, вражда между органами прессы, выражавшими эти фракціи, приняла очень скоро ожесточенный характеръ. Людямъ въ то время казалось, что кто не за „Современникъ", тотъ противъ Чернышевскаго и его друзей, а такъ какъ Лавровъ писалъ въ „Отеч. Зап.", съ которыми „Соврем." полемизировалъ, то и авторъ „Теоріи личности" былъ причтенъ къ идейнымъ товарищамъ Дудышкина и Альбертини, что было невѣрно.

Когда П. Л. Лавровъ прочиталъ въ 1860 году въ пользу Литературнаго Фонда (однимъ изъ первыхъ членовъ котораго онъ былъ) три публичныя лекціи о значеніи философіи, онъ подвергся рѣзкой и несправедливой критикѣ Антоновича, который повторилъ нападеніе на Лаврова по поводу „Русскаго Энциклопедическаго Словаря", начавшаго выходить въ 1861 г. подъ общей редакціей Краевскаго, при редакціи по философскому отдѣлу Лаврова, скоро ставшаго главнымъ редакторомъ. Тутъ, что называется, своя своихъ не познаша: въ то время какъ архіереи и свѣтскіе доносчики въ родѣ Аскоченскаго призывали на голову Лаврова правительственные громы за безбожіе, проповѣдуемое „Энциклопедическимъ Словаремъ", и требовали наказанія церковной анаѳемой и царской каторгой, Антоновичъ обрушивался на редактора Словаря за умѣренность его взглядовъ. Насколько эта полемика противъ Петра Лавровича держалась на недоразумѣніи, видно было изъ того, что вскорѣ послѣ того самъ Антоновичъ предложилъ Лаврову свое сотрудничество въ Словарѣ и далъ, между прочимъ, статью объ Евангеліяхъ, которая, подобно многимъ вещамъ Антоновича, была написана очень ясно и талантливо и произвела въ свое время большой фуроръ. Кстати сказать, Писаревъ обнаружилъ гораздо большее пониманіе первоначальной литературной дѣятельности Лаврова, и уже въ началѣ 60-хъ годовъ причислялъ его къ „прогрессивнымъ писателямъ"

(къ этой категоріи отнесъ его, впрочемъ, и Чернышевскій въ своемъ „Антропологическомъ принципѣ“).

По мѣрѣ того, какъ царскій деспотизмъ все больше и больше снималъ съ себя либеральную маску, Лавровъ все далѣе и далѣе передвигался влѣво. Въ 1862 году онъ былъ введенъ покойнымъ Энгельгардомъ въ революціонное общество „Земля и Воля“, а за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго сблизился съ этимъ послѣднимъ и былъ приглашенъ имъ въ качествѣ секунданта на одну изъ „словесныхъ дуэлей“ съ однимъ изъ представителей консервативнаго лагеря. Этотъ литературный поединокъ состоялся, впрочемъ, безъ участія Лаврова, который долженъ былъ экзаменовать въ этотъ день; и все, что было разсказано о дуэли недавно въ русской исторической печати, относится къ области выдумокъ заднимъ числомъ.

Арестъ Чернышевскаго и товарищей и разгромъ общества „Земля и Воля“ вырвали изъ передовыхъ рядовъ много выдающихся дѣятелей, опрокинули старыя перегородки между различными группами оппозиціи, но съ другой стороны вызвали новыя и болѣе опредѣленныя раздѣленія. Лавровъ самымъ положеніемъ вещей былъ поставленъ въ необходимость идти вправо или влѣво, и со свойственною ему послѣдовательностью сдѣлалъ новый шагъ въ сторону радикализма. Впрочемъ, уже въ 1861 г. начальство смотрѣло на него какъ на прямого врага: принцъ Ольденбургскій, за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго, говорилъ въ интимной бесѣдѣ: „стоитъ только схватить пять—шесть зачинщиковъ (упоминая въ томъ числѣ Лаврова), и революціи и въ поминѣ не будетъ“. Когда послѣ студенческихъ исторій и закрытія университета студенты обратились къ Лаврову съ просьбою читать имъ лекціи въ зданіи Думы, начальство воспретило эти чтенія. Во время польскаго возстанія близкій родственникъ Лаврова и страшный консерваторъ Щебальскій, съ которымъ они были на ты, писалъ къ Петру Лавровичу дружеское, но ругательное увѣщаніе: „Куда, молъ, идешь? Къ измѣнникамъ отечества!“ Упомяну еще два—три факта, которые ясно показываютъ, что П. Л. Лавровъ уже не удовлетворялся простой либеральной оппози-

ціей. Когда въ Петербургѣ стало основываться Общество женскаго труда, при ближайшемъ участіи Стасовой, Философовой и графини Ростовцевой, приглашенный въ члены Лавровъ представилъ въ свою очередь списокъ новыхъ членовъ, и характеръ этихъ членовъ навербованныхъ почти исключительно въ рядахъ „нигилистокъ", показался учредительницамъ настолько страшнымъ, что онѣ отказались принять кандидатокъ Лаврова. На это послѣдній отвѣтилъ рѣзкою рѣчью о филантропіи праздныхъ барынь и насущной потребности въ трудѣ дѣловыхъ женщинъ. Въ результатѣ графиня Ростовцева и Анна Павловна Философова отказались открыть общество, и министерство, которое дало разрѣшеніе на открытіе лишь этимъ знатнымъ барынямъ, взяло назадъ это разрѣшеніе. Другой разъ, говоря въ ревизіонной коммиссіи Литературнаго Фонда по поводу ссуды Достоевскому, Лавровъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заклеймить мнимыхъ либераловъ, служившихъ и нашимъ и вашимъ, въ родѣ тогдашняго начальника Азіатскаго департамента, Евграфа Ковалевскаго, который то являлся на свиданія въ тюрьму къ Чернышевскому, то жалъ руку Муравьеву-Вѣшателю . . .

V.

Скоро Петру Лавровичу пришлось испытать на себѣ безцеремонность пріемовъ этого достойнаго соперника Аракчеева. Совершивъ заграничную поѣздку съ больной женой (она умерла въ 1865 г.), Лавровъ находился въ Питерѣ въ тотъ моментъ, когда раздался Каракозовскій выстрѣлъ (4-го Апрѣля 1866 г.). Обезумѣвшій отъ неожиданнаго (для него, конечно) сюрприза императоръ не могъ понять, какую массу злобы и негодованія онъ успѣлъ накопить въ сердцѣ истинныхъ друзей прогресса своей двуличной и лицемѣрной политикой, и не нашелъ ничего лучшаго, какъ отдать всю Россію, а особенно Петербургъ, во власть свирѣпаго диктатора. Что выдѣлывалось въ то время въ столицѣ, достаточно извѣстно: обыски, аресты и заключенія, ссылки и высылки; жизнь и честь гражданъ въ лапахъ звѣря-генерала; безграничный страхъ и вѣрноподанническое лакей-

ство, обнаруженные большинствомъ такъ называемыхъ либераловъ, которые не останавливались порою передъ доносами на своихъ родственниковъ, лишь бы выслужиться передъ начальствомъ; повсюду правительственная и общественная реакція. И какъ мало было въ то время людей, которые изъ этого погрома вышли не съ покорностью и примиреніемъ, а съ жаждою новой борьбы за истину и свободу! Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и П. Л. Лавровъ, котораго событіе 4-го Апрѣля выбросило навсегда изъ оффиціальнаго, служебнаго, привиллегированнаго и либеральнаго міра въ совершенно иной міръ крайныхъ радикаловъ и революціонеровъ.

Вскорѣ послѣ выстрѣла начальство произвело обыскъ у Лаврова, а немного спустя (25-го Апрѣля ст. ст.) онъ былъ арестованъ. Собственно прямыхъ уликъ противъ него не имѣлось, но это не помѣшало властямъ предать его военному суду въ Августѣ 1866 г. Судъ призналъ его виновнымъ въ сочиненіи четырехъ стихотвореній, въ которыхъ „выражалось неуваженіе" къ Николаю I и Александру II; въ „сочувствіи и близости къ людямъ, извѣстнымъ правительству своимъ преступнымъ направленіемъ" (дѣло шло о Чернышевскомъ, Михайловѣ и др.); въ проведеніи „вредныхъ идей" путемъ печати и т. д. Военно-судебная коммиссія приговорила его къ аресту на нѣкоторое время. Но приговоръ этотъ былъ измѣненъ къ худшему генаралъ-аудиторіатомъ (генералъ-аудиторомъ былъ въ то время Философовъ, мужъ Анны Павловны, о которой рѣчь была выше). Императоръ утвердилъ измѣненный приговоръ, согласно которому Петръ Лавровичъ увольнялся со службы (въ чинѣ полковника) и ссылался на житье въ одну изъ внутреннихъ губерній подъ надзоръ полиціи. Вѣрноподданные географы ухитрились счесть за такую внутреннюю губернію отдаленную Вологодскую, и послѣ 9-ти мѣсячнаго ареста Лавровъ былъ вывезенъ въ г. Тотьму 15/27 Февраля 1867 г. Тяжело было человѣку, привыкшему къ жизни въ интеллигентномъ обществѣ столицы, пребываніе въ маленькомъ сонномъ городкѣ, который едва насчитывалъ 3500 жителей. Правда, Лаврова перевели было въ 1868 г. въ Вологду. Но по несчастью въ день его отъѣзда другіе

жившіе въ Тотьмѣ ссыльные рѣшили провожать его на нѣкоторое разстояніе за городъ, что было сейчасъ же донесено мѣстными властями питерскому начальству, и въ результатѣ Петръ Лавровичъ былъ немедленно же высланъ въ Кадниковъ, городишко еще болѣе жалкій, чѣмъ Тотьма. Въ Кадниковѣ Лавровъ былъ единственнымъ политическимъ ссыльнымъ, и для наблюденія за нимъ было назначено туда спеціально два жандарма. Но жизнь въ захолустьѣ нисколько не сломила умственной энергіи мыслителя. Тамъ онъ очень много занимался и усиленно работалъ (подъ разными псевдонимами, вродѣ Миртова) въ русской литературѣ, сотрудничая главнымъ образомъ въ „Недѣлѣ“ и „Отеч. Зап.“ новой (некрасовской) редакціи: въ послѣднія ввелъ его Г. З. Елисѣевъ, и между многочисленными вещами, помѣщенными въ этомъ журналѣ, особенно извѣстны его статьи о „Цивилизаціи и дикихъ народахъ“ и о „Нравственности“. Но самое замѣчательное сочиненіе Лаврова изъ этого времени, это — его „Историческія письма“, которыя печатались въ „Недѣлѣ“ 1868—1869 г., а потомъ вышли въ переработанномъ видѣ отдѣльной книгой. Это небольшое сравнительно сочиненіе имѣло, какъ извѣстно, успѣхъ поразительный. Можно смѣло сказать, что „Историческія письма“ были настольной книгой, Евангеліемъ молодежи въ теченіи всѣхъ семидесятыхъ годовъ, да и теперь многія мысли „Писемъ“ вошли въ обиходъ всякаго образованнаго и порядочнаго человѣка въ Россіи. Дѣло доходило порою до комизма, и самые враги Лаврова били, что называется, его же добромъ да ему же челомъ, въ полемикѣ съ нимъ повторяя его собственныя идеи. Ахъ, надо было жить въ 70-ые годы, въ эпоху движенія въ народъ, чтобы видѣть вокругъ себя и чувствовать на самомъ себѣ удивительное вліяніе, произведенное „Историческими письмами“! Многіе изъ насъ, юноши въ то время, а другіе просто мальчики, не разставались съ небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой въ конецъ книжкой. Она лежала у насъ подъ изголовьемъ, и на нее падали при чтеніи ночью наши горячія слезы идейнаго энтузіазма, охватывавшаго насъ безмѣрною жаждою жить для благородныхъ идей и умереть за нихъ . . . И какъ радостно трепетали наши сердца,

въ какомъ величіи возставалъ передъ нами образъ лично незнакомаго, но родного нашей мысли, далекаго матеріально, но близкаго къ намъ духомъ ученія, „добраго учителя“, призывавшаго насъ къ безкорыстной борьбѣ за убѣжденія! Одно время мы увлекались Писаревымъ, который говорилъ намъ о великой пользѣ естественныхъ наукъ для выработки изъ человѣка „мыслящаго реалиста“. Мы готовились всѣ стать такими „мыслящими реалистами“, которые желаютъ жить во имя своего „развитого эгоизма“, низвергая всѣ авторитеты и ставя цѣлью свободную и счастливую жизнь какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ единомышленниковъ. И вдругъ небольшая книжка говоритъ намъ, что на естественныхъ наукахъ свѣтъ не клиномъ сошелся; что на одной анатоміи лягушки далеко не уѣдешь; что есть другіе важные человѣческіе вопросы, есть исторія, есть общественный прогрессъ, есть, наконецъ, народъ, голодающій, замученный трудомъ народъ, рабочій людъ, который поддерживаетъ на себѣ все зданіе цивилизаціи и который только и позволяетъ намъ заниматься и лягушками и всякими другими науками; есть, наконецъ, нашъ неоплатный долгъ передъ народомъ, передъ великой арміей трудящихся.

Можете себѣ представить, какой ураганъ новыхъ мыслей и новыхъ чувствъ проходилъ по нашей душѣ! Какъ стыдно намъ было за свои мизерные буржуазные планы на счетъ счастливой личной жизни! Къ черту и „разумный эгоизмъ“, и „мыслящій реализмъ“, и къ черту всѣхъ этихъ лягушекъ и прочіе предметы наукъ, которые заставляли насъ забывать о народѣ! Отнынѣ наша жизнь должна была всецѣло принадлежать массамъ, и только посвящая всѣ наши силы торжеству общественной правды, мы могли не оказаться злостными банкротами передъ нашей страною и всѣмъ человѣчествомъ. На разстояніи теперь становится виднѣе, какую важную роль „Историческія письма“ сыграли въ созданіи и развитіи того возвышеннаго и безкорыстнаго энтузіазма, который двинулъ молодыхъ проповѣдниковъ соціализма „въ народъ“.

Самъ Лавровъ не присутствовалъ, впрочемъ, лично при начинавшемся и быстро возроставшемъ успѣхѣ книги. Видя, что его ссылкѣ не предвидится конца, и желая участвовать

въ живой политической борьбѣ, онъ уже съ конца 60-хъ годовъ задумалъ переѣхать границу и при посредствѣ друзей условился на счетъ своего бѣгства, между прочимъ, съ Герценомъ, который обѣщалъ ему „устроить все: пускай лишь пріѣдетъ“! Бѣгство это было выполнено при пособіи знаменитаго Германа Александровича Лопатина и не обошлось безъ нѣкоторыхъ траги-комическихъ приключеній. Въ Кадниковѣ было всего на всего три почтовыя тройки: нечего было и думать воспользоваться ими. И вотъ однажды, когда Петръ Лавровичъ сидѣлъ у себя на квартирѣ и разговаривалъ съ двумя мѣстными пріятелями, къ нему явился рослый и красивый молодой человѣкъ, который, отрекомендовавъ себя господиномъ N. N., присоединился къ разговору и очаровалъ собесѣдниковъ своимъ умомъ и блестящимъ краснорѣчіемъ. По уходѣ знакомыхъ, молодой человѣкъ выпалилъ въ упоръ Лаврову: „я не N. N., а Лопатинъ; наши общіе друзья послали меня увезти васъ отсюда въ Петербургъ. Вы готовы? Когда можете отправиться?“ — Хоть завтра, былъ отвѣтъ. Лопатинъ пріѣхалъ въ Кадниковъ на добытыхъ въ Вологдѣ лошадяхъ и въ назначенный день (15/27 Февраля 1870 г.) увезъ выбрившагося и ставшаго неузнаваемымъ Лаврова. Рѣшено было ѣхать въ Вологду, а оттуда на ближайшую станцію строившейся въ то время Ярославско-Вологодской желѣзной дороги. Въ Вологдѣ, пересаживаясь на почтовую перекладную, бѣглецы узнали, что по дорогѣ имъ придется встрѣтиться съ жандармскимъ полковникомъ, который ѣхалъ по службѣ и хорошо зналъ въ глаза Петра Лавровича. Моментъ былъ критическій, но отступать было нельзя: надо было рисковать и прямо идти на встрѣчу опасности. Лопатинъ, который былъ въ то время въ цвѣтѣ лѣтъ и полонъ юношеской смѣлости, чтобы не показать, какъ озабочивала его предстоящая встрѣча, счелъ долгомъ завести со своимъ спутникомъ разговоръ о позитивизмѣ. П. Л. Лавровъ хорошо понималъ настроеніе Лопатина, но тоже, чтобы не отказаться отъ предложенной игры, съ оживленіемъ давалъ ученыя реплики товарищу по дорогѣ и опасности. Дѣло, впрочемъ, обошлось благополучно. Сани жандармскаго полковника встрѣтили перекладную съ философствующими диспу-

тантами по дорогѣ, но блюститель порядка и не заглянулъ въ возокъ бѣглецовъ. Затрудненіе представилось дальше, когда Лавровъ и Лопатинъ пріѣхали въ то мѣсто, откуда они думали воспользоваться открытымъ уже, по слухамъ, желѣзнодорожнымъ участкомъ. Оказалось, что открытіе еще не состоялось, но должно произойти на слѣдующій день при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ властей и въ томъ числѣ спеціально наблюдавшаго за Лавровымъ жандармскаго полковника. Но дважды искушать фортуну нашимъ путешественникамъ не хотѣлось, и потому они порѣшили и дальше ѣхать на лошадяхъ, а затѣмъ уже сѣсть на чугунку и катить черезъ Москву въ Питеръ.

Въ столицѣ бѣглеца ждали новыя испытанія. Лопатинъ, согласно уговору, „доставилъ" Лаврова на радикальную квартиру и счелъ свою миссію законченной. Но другіе пріятели и знакомые Петра Лавровича, посвященные въ его бѣгство, далеко не отличались лопатинскою энергіею и практичностью. Такъ какъ радикальная квартира, на которую Лавровъ попалъ сначала, была почему-то неудобна, то его сочли нужнымъ отвезти на другую шикарную и аристократическую квартиру, которая находилась на Конногвардейскомъ бульварѣ, и владѣлецъ которой, бравый офицеръ и добрый малый, сочувствовавшій „хорошимъ идеямъ", былъ очень посредственнымъ конспираторомъ. Не успѣлъ Петръ Лавровичъ прибыть на новое помѣщеніе, какъ оказалось, что квартира эта была уже употреблена для другой „нелегальной" цѣли: сюда пріютилась дѣвица, которая, желая жить своимъ хлѣбомъ, обвѣнчалась съ однимъ изъ знакомыхъ фиктивнымъ бракомъ, и здѣсь съ часу на часъ ждали полицейскаго нашествія, которымъ грозили разсерженные родители.

А между тѣмъ Петру Лавровичу приходилось прожить еще нѣсколько дней въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что прибылъ онъ сюда въ четвергъ на масляницу, на широкую развеселую русскую масляницу, когда все въ Петербургѣ было пьянымъ пьяно, а всѣ присутственныя мѣста закрыты, и заграничнаго паспорта (на имя доктора Веймара, осужденнаго послѣ по дѣлу Соловьева) нельзя было получить раньше слѣдующаго

понедѣльника. Сочувствовавшій хорошимъ идеямъ офицеръ предложилъ отвезти Петра Лавровича въ имѣніе своихъ пріятелей, находившееся въ Лужскомъ уѣздѣ. На дорогѣ новое приключеніе. Въ Лугѣ Лаврову пришлось ужинать въ трактирѣ, гдѣ предавалось масляничному кутежу лужское уѣздное земство, многіе члены котораго, бывшіе и губернскими гласными петербургскаго земства, отлично знали Петра Лавровича, тоже состоявшаго до своего ареста членомъ этого земства. Въ самомъ же имѣніи, куда пріѣхали Лавровъ и его провожатый, домъ былъ полонъ масляничныхъ гостей, которыхъ, конечно, долженъ былъ интриговать незнакомый, державшійся въ сторонѣ посѣтитель. Такъ прошли веселые для гостей и довольно меланхоличные для отшельника послѣдніе дни масляницы, и можно было думать, что питерскіе пріятели уже добыли заграничный паспортъ у перешедшихъ на трезвое положеніе властей.

Было условлено, что паспортъ этотъ привезутъ на станцію г. Луги, и туда въ первый же день великаго поста хозяева отправились съ Лавровымъ для того, чтобы встрѣтить посланца съ заграничнымъ видомъ и купить билетъ для отъѣзжающаго. Билетъ былъ купленъ, но изъ Питера паспорта не привезли, и приходилось возвращаться въ имѣніе и ждать слѣдующаго дня (благо, билетъ былъ прямого сообщенія). На слѣдующій день поѣздка — замѣтьте, за пятнадцать верстъ, на станцію, и на станцію очень ничтожную, откуда выѣздъ за-границу какого-нибудь лица былъ необыкновеннымъ событіемъ, — эта поѣздка увѣнчалась новымъ неуспѣхомъ. Наконецъ, на другой день паспортъ былъ привезенъ, и Петръ Лавровичъ благополучно выѣхалъ за предѣлы россійской Имперіи, въ то время, какъ всполошившіяся въ Вологдѣ власти терялись въ догадкахъ, какъ и куда могъ изчезнуть ссыльный, ибо три ямскія тройки въ Кадниковѣ оказались всѣ на лицо. Начальство успокоилось на томъ предположеніи, что Лавровъ, потихоньку выѣхавъ изъ города (какъ это онъ дѣлалъ нѣсколько разъ, по словамъ его матери), былъ убитъ неизвѣстнымъ ямщикомъ, а въ губерніи ходили даже слухи насчетъ какихъ-то найденныхъ въ ямскихъ саняхъ, слѣдовъ крови . . .

VI.

Въ это самое время Петръ Лавровичъ находился уже на французской территоріи, куда онъ пріѣхалъ въ послѣдніе мѣсяцы второй имперіи: въ Парижѣ онъ былъ 1/13 марта 1870 г., вскорѣ послѣ того, какъ умеръ Герценъ, приглашавшій его сюда. Новый міръ раскрывался передъ Лавровымъ, тотъ міръ, съ которымъ нашъ мыслитель былъ знакомъ раньше лишь по книгамъ. Съ одной стороны Лавровъ вошелъ въ ученые круги, былъ избранъ въ члены антропологическаго общества и года два спустя былъ приглашенъ извѣстнымъ Брока въ составъ редакціи Revue d'Anthropologie; съ другой, уже въ самомъ началѣ онъ близко сошелся съ типографщикомъ Варлэномъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей французскаго пролетаріата, и былъ введенъ имъ въ Интернаціоналъ, а именно въ секцію Тэрнъ. Изученіе Маркса и наблюденіе надъ рабочимъ движеніемъ Запада заставили Лаврова сдѣлать новый шагъ влѣво, и изъ политическаго радикала, лишь сочувствующаго благороднымъ идеямъ соціализма, Лавровъ самъ сталъ убѣжденнымъ соціалистомъ-революціонеромъ, видящимъ въ рабочемъ классѣ самого крупнаго двигателя прогресса и строителя будущаго коммунистическаго общества . . .

Въ это время политическія событія неслись съ ужасающей быстротой. Въ одинъ—два года Франціи пришлось пережить болѣе, чѣмъ за послѣдніе двадцать лѣтъ: нѣмецкія полчища наводнили страну; пала Имперія; сдался осажденный пруссаками Парижъ; Коммуна была утоплена въ крови парижскаго пролетаріата. Все время осады Лавровъ оставался въ Парижѣ, раздѣляя съ населеніемъ бѣдствія и лишенія войны. Я, между прочимъ, живо помню его разсказъ о томъ, какъ въ одно печальное январское утро, когда перемиріе съ пруссаками уже было заключено, онъ отправился вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями въ Сэнъ-Дени подъ Парижемъ, чтобы принести оттуда на своихъ плечахъ мѣшокъ съ картофелемъ, яйцами и прочими съѣдобными рѣдкостями.

Когда вспыхнуло возстаніе 18-го марта, и буржуазное правительство стремительно кинулось изъ Парижа въ Версаль,

чтобы оттуда приготовлять нашествіе на героическій городъ, Лавровъ остался среди Коммунаровъ и черезъ Варлэна предложилъ революціонному правительству свои услуги по организаціи школъ и вообще по учебной части. Но если въ началѣ возстанія можно было надѣяться на то, что Коммуна не только восторжествуетъ, но и успѣетъ осуществить на практикѣ идею о полнѣйшемъ переустройствѣ общества, то скоро эти иллюзіи исчезли, и революціонное правительство вынуждено было исключительно заняться защитой Парижа отъ нападенія свирѣпой версальской солдатчины. Во всякомъ случаѣ на предложеніе Лаврова Коммуна не имѣла времени отвѣтить. Въ началѣ мая, когда положеніе дѣлъ значительно ухудшилось на сторонѣ революціонеровъ, но еще можно было надѣяться на отпоръ, Лавровъ рѣшилъ поискать помощи Коммунарамъ внѣ Франціи, и съ этою цѣлью, взявъ паспортъ у правительства Коммуны и предупредивъ о своемъ отъѣздѣ Варлэна, попытался пройти чрезъ линію версальскихъ войскъ. Попытка эта увѣнчалась успѣхомъ, хотя дѣло не обошлось безъ затрудненій. Просматривая бумаги Лаврова, офицеръ, къ которому привели путешественника, увидалъ, что имѣетъ дѣло съ иностранцемъ, и иностранцемъ привилегированнаго сословія, и готовъ былъ пропустить Лаврова. Но его смущало то обстоятельство, что паспортъ, какъ сказалъ онъ Лаврову, „былъ визированъ не законнымъ правительствомъ, а мятежниками“. — А чѣмъ же я виноватъ, что „законное правительство“ убѣжало изъ Парижа,—былъ отвѣтъ Петра Лавровича. Офицеръ согласился...

И вотъ, благополучно пробравшись чрезъ желѣзное кольцо версальской арміи, Лавровъ отправился сначала въ Бельгію, а потомъ въ Лондонъ, просить помощи Коммунарамъ у Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Дѣло въ томъ, что въ то время не только враги, но и друзья Международнаго Общества Рабочихъ крайне преувеличивали его силу и значеніе: говорили о четырехъ милліонахъ членовъ во всѣхъ странахъ Европы, о необыкновенно искусной и прочной организаціи Общества, которое могло будто по данному сигналу поднять всѣхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ Интернаціоналу. Лавровъ изложилъ передъ бельгійскимъ федеральнымъ совѣтомъ Интер-

націонала если не отчаянное, то критическое положеніе Коммунаровъ и поставилъ вопросъ, не найдетъ ли этотъ органъ возможнымъ устроить въ пользу парижскихъ инсургентовъ сразу нѣсколько крупныхъ манифестацій рабочихъ на французскихъ границахъ. Съ подобнымъ же вопросомъ онъ обратился въ Лондонѣ къ Марксу и прочимъ членамъ Генеральнаго Совѣта. Но оказалось, что дѣла Интернаціонала были такъ плохи въ это время, что Генеральный Совѣтъ не могъ даже устроить публичной манифестаціи въ Гайдъ-паркѣ въ пользу Коммуны.

Впрочемъ, чрезъ двѣ — три недѣли все было кончено для славной, но злополучной парижской революціи, и красный цвѣтъ знамени Коммуны могъ означать въ это время уже не ту зарю общественнаго возрожденія, къ которой обращалъ взоры рабочій народъ, а развѣ кровь 35.000 пролетаріевъ, которые полегли подъ пулями, штыками и картечью защитниковъ порядка и собственности среди дымящихся развалинъ Парижа. Поѣздка Лаврова не имѣла практическаго результата для рабочаго движенія, но она дала возможность Петру Лавровичу ближе присмотрѣться къ положенію соціализма въ Европѣ, равно какъ познакомиться съ знаменитымъ авторомъ „Капитала“. Замѣчу кстати, что въ 1880 г. Лавровъ выпустилъ великолѣпную брошюру о Коммунѣ, распространивъ свою рѣчь о томъ же предметѣ, произнесенную имъ на своей квартирѣ въ 1879 г. для собравшихся съ этою цѣлью русскихъ. Пониманіе общихъ причинъ движенія, пламенная любовь къ рабочему народу, яркое описаніе звѣрствъ, совершенныхъ буржуазіей во время подавленія возстанія — все это ставитъ упомянутую брошюру на одно изъ первыхъ мѣстъ въ европейской литературѣ о Коммунѣ.

VII.

Отнынѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ происшествій, добровольнаго или невольнаго переѣзда изъ одного города въ другой и т. п., жизнь Лаврова съ внѣшней стороны не представляетъ большого драматическаго интереса.

Тѣмъ замѣчательнѣе та внутренняя жизнь, та удивительная работа мысли, та неустанная пропаганда революціоннаго соціализма, которыя дѣлаютъ изъ П. Л. Лаврова въ извѣстномъ смыслѣ единственную личность среди русскихъ и европейскихъ борцовъ за лучшее будущее человѣчества. Вся біографія Лаврова за послѣднюю четверть вѣка, съ того времени какъ появился первый томъ „Впереда", сводится исключительно къ колоссальной умственной дѣятельности, посвященной на развитіе человѣческой мысли вообще и идей соціализма въ частности, особенно же въ приложеніи къ Россіи.

Послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ въ разные города (Лондонъ, Парижъ и т. п.) Лавровъ въ 1873 г. поселился въ Цюрихѣ, а съ 1874 г. въ Лондонѣ, куда онъ прибылъ на этотъ разъ среди снѣга, 14-го марта, въ тотъ самый день, какъ въѣзжала въ столицу Англіи новобрачная герцогиня Эдинбургская. Въ 1877 г. онъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и живетъ понынѣ въ одномъ и томъ же домѣ по улицѣ Saint-Jacques. Намъ нечего говорить о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ въ Россіи знаменитый „Впередъ", который издавался сначала въ Цюрихѣ, въ видѣ сборника, а потомъ сталъ двухнедѣльной газетой, при перенесеніи въ Лондонъ. Теперь на разстояніи четверти вѣка смѣшны и микроскопичны кажутся разногласія, которыя служили предметомъ ожесточенной полемики между редакторами „Впереда" и бакунистами и бунтарями той эпохи, упрекавшими Лаврова и товарищей въ „постепеновствѣ", какъ въ этомъ упрекали Петра Лавровича десять лѣтъ тому назадъ радикалы 60-хъ годовъ. Большинство тогдашнихъ сторонниковъ революціоннаго кровопролитія уже давно примирились съ правительствомъ и превратились если не въ чиновниковъ, то въ мирныхъ россійскихъ гражданъ, въ то время какъ Лавровъ продолжаетъ свою неустанную борьбу съ капитализмомъ во имя соціализма и съ петербургскимъ самодержавіемъ во имя свободнаго развитія народа.

Но я не могу не упомянуть въ этой біографіи, которая пишется по предложенію группы рабочихъ, — не могу не упомянуть о томъ обстоятельствѣ, что уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ „Впередъ" поднялъ знамя „рабочаго соціализма",

а двигателемъ этого соціализма призналъ „рабочій классъ". Независимо отъ этого общаго направленія журнала, Лаврову принадлежитъ честь цѣлаго ряда умныхъ и горячихъ статей о рабочемъ движеніи на западѣ и замѣчательнаго изображенія адскихъ условій жизни, которыя выпали на долю трудящихся въ Россіи. Кто читалъ его великолѣпную книгу о „Самарскомъ голодѣ" и не почувствовалъ себя охваченнымъ безграничною любовью къ народу и жгучей ненавистью къ русскому капитализму и петербургскому правительству, тотъ не живой человѣкъ, тому пора ложиться въ гробъ: его умственную апатію и нравственную трусость не въ состояніи расшевелить никакое великое человѣческое бѣдствіе и никакой благородный протестъ противъ несправедливости. Мы, по крайней мѣрѣ, гимназисты, семинаристы и студенты въ то время, мы не могли равнодушно читать повѣствованіе о всероссійскомъ голодѣ на нашихъ собраніяхъ, гдѣ рядомъ съ нами были наши братья-рабочіе, которымъ мы старались въ то время проповѣдовать евангеліе соціализма и которые инстинктивно забѣгали впередъ насъ, когда дѣло касалось жизненныхъ практическихъ вопросовъ трудящагося большинства. Мы чувствовали, какъ наше горло судорожно сжималось отъ накипавшихъ рыданій, когда мы читали вслухъ повѣсть о великомъ горѣ народномъ, и намъ жутко и стыдно становилось порою смотрѣть на изможденныя лица, на мозолистыя руки рабочихъ, для которыхъ этотъ разсказъ былъ не только замѣчательнымъ литературнымъ произведеніемъ, но живымъ изображеніемъ ихъ адской жизни и жизни ихъ деревенскихъ родныхъ. Припомню, кстати, что Лавровъ напечаталъ безъ подписи во „Впередѣ" очень популярное въ свое время стихотвореніе, обращенное къ рабочимъ и каждая строфа котораго сопровождалась припѣвомъ: „Вставай, подымайся, рабочій народъ!" Это стихотвореніе мнѣ лично приходилось пѣть подъ гармонику и на мотивъ „не билъ барабанъ" пильщикамъ Тульской губерніи въ 1875 — 1876 г., и успѣхъ былъ громадный . . . Не мѣшаетъ тоже не забывать, что когда „Впередъ" превратился снова изъ двухнедѣльной газеты въ сборникъ, Лавровъ вышелъ (въ 1876 г.) изъ редакціи вслѣдствіе того, что нашелъ

практическую дѣятельность тогдашнихъ лавристовъ въ Россіи черезчуръ педантичной и мирной и не желалъ авторитетомъ своего имени прикрывать тотъ процессъ внутренняго разложенія, который постигаетъ всякую партію, когда она перестаетъ развиваться и идти не на словахъ только, а и на дѣлѣ „впередъ!"

Между 1876 и 1882 г. наступилъ перерывъ въ прямой революціонной дѣятельности Лаврова. Онъ продолжалъ печатать (какъ то дѣлалъ и прежде) подъ различными псевдонимами статьи въ русскихъ легальныхъ журналахъ. Онъ безпрерывно читалъ для русскихъ въ Парижѣ лекціи по всевозможнымъ вопросамъ, особенно же соціологическимъ и философскимъ. Онъ издалъ въ этотъ промежутокъ и нѣсколько революціонныхъ брошюръ и статей заграницей (между прочимъ, свою знаменитую книжку о Коммунѣ, примѣчанія къ русскому Шеффлэ и т. п.) Онъ очень умѣло и энергично отстаивалъ Гартмана, арестованнаго въ Парижѣ, противъ притязаній русскаго правительства, которое требовало его выдачи, и успѣлъ добиться отъ французскихъ правящихъ сферъ дозволенія для Гартмана выѣхать изъ предѣловъ третьей республики. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи заграничнаго отдѣла общества „Краснаго Креста Народной Воли", за что и былъ высланъ изъ Франціи 13-го февраля 1882 г. Но лишь въ Лондонѣ, куда онъ выѣхалъ, начались его сношенія съ центральнымъ органомъ тогдашней раволюціонной партіи въ Россіи: я говорю объ Исполнительномъ Комитетѣ „Народной Воли". Здѣсь ему было предложено отъ упомянутаго комитета вступить вмѣстѣ съ другимъ лицомъ (Степнякомъ-Кравчинскимъ) въ редакцію заграничнаго журнала партіи, который дѣйствительно сталъ выходить въ 1883 г., подъ заглавіемъ „Вѣстника Народной Воли" уже по возвращеніи Лаврова въ Парижъ (декретъ о высылкѣ его однако не былъ формально отмѣненъ). Соредакторомъ Лаврова сталъ, впрочемъ, не Кравчинскій, а Тихоміровъ, пріобрѣтшій пять лѣтъ спустя (въ 1888 г.) печальную извѣстность своимъ ренегатствомъ и переходомъ изъ рядовъ революціонной партіи въ ряды самыхъ отчаянныхъ катковцевъ. Роль Лаврова въ „Вѣстникѣ Народной Воли" сводилась глав-

нымъ образомъ къ тому, что, рядомъ съ политическою борьбою противъ самодержавія, онъ старался подчеркивать необходимость соціальной борьбы противъ капитала. Проповѣдь соціализма, и соціализма рабочаго, была главною задачею Лаврова въ революціонномъ органѣ, что̀ не мѣшало ему зорко слѣдить за чистотою политической программы: когда Тихоміровъ постыдно измѣнилъ знамени Народной Воли, Лавровъ пригвоздилъ его къ позорному столбу своей умѣренной по формѣ, но необыкновенно убійственной по содержанію брошюрой противъ ренегата, вышедшей (въ 1888 г.) въ видѣ „Письма къ товарищамъ въ Россіи“.

Съ тѣхъ поръ не происходило въ Россіи ни одного крупнаго общественнаго событія, чтобы Лавровъ не отзывался на него со всею силою своей безстрашной мысли и глубиной соціалистическою убѣжденія: смерть Чернышевскаго, смерть Щедрина, страшный голодъ въ Россіи въ 1891—92 г. служили ему поводомъ для строгонаучныхъ и въ то же время пламенныхъ рѣчей (выходившихъ затѣмъ брошюрами), которыми онъ не переставалъ уяснять мысль и будить революціонное чувство среди своихъ слушателей. А съ 1892 г. Лавровъ принимаетъ ближайшее сотрудничество въ веденіи „Матеріаловъ для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“, издававшихся вплоть до осени 1896 г. группой старыхъ народовольцевъ. Въ этомъ изданіи онъ напечаталъ между прочимъ, историческій очеркъ о „народникахъ - пропагандистахъ“, въ томъ числѣ о сторонникахъ „Впереда“, и очеркъ этотъ высоко замѣчателенъ не только по глубокому пониманію эпохи, но и по тому удивительному безпристрастію, съ которымъ авторъ говоритъ о своей тогдашней дѣятельности. Такъ писать о себѣ, о своей роли въ прошломъ можетъ только человѣкъ, который высоко поднимается и силою своего ума, и благородствомъ своего сердца надъ уровнемъ среднихъ людей, не могущихъ въ личныхъ воспоминаніяхъ отрѣшиться отъ своихъ мелкихъ самолюбій и прикрашивающихъ заднимъ числомъ исторію, съ тѣмъ, чтобы раздуть свою дѣятельность или затушевать свои историческіе промахи . . .

Есть, наконецъ, одна сторона дѣятельности Лаврова, кото-

рая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не достаточно оцѣнена, но которая рано или поздно будетъ понята во всемъ своемъ великомъ значеніи: я говорю о его философской дѣятельности, которая имѣетъ важность не только въ развитіи соціализма, но и въ прогрессѣ человѣчества вообще. Начиная съ 1866 г., когда Лавровъ впервые занялся вопросомъ объ исторіи человѣческой мысли, и вплоть до настоящаго времени, онъ не переставалъ подвигать впередъ, въ той или другой формѣ, свой обширный трудъ, посвященный этому вопросу. Многія изъ его идей вошли уже въ обращеніе, и вошли до такой степени, тто порою ему отказываютъ въ оригинальности и свѣжести мысли тѣ самые люди, которые живутъ его идеями цѣлую четверть вѣка, не подозрѣвая того. Эти мысли кажутся банальными именно потому, что мы всосали ихъ въ себя если не съ молокомъ матери, то съ того момента, какъ стали думать и сознавать себя людьми. И я могу себя представить, съ какой злорадной гордостью и презрѣніемъ къ этимъ поверхностнымъ судьямъ могъ бы отнестись такой сильный мыслитель какъ Лавровъ, если бы его сердце и характеръ не были достойны его рѣдкаго ума.

Но именно Лавровъ не можетъ презирать средняго современнаго человѣка, живущаго среди тяжелыхъ общественныхъ и личныхъ условій; онъ любитъ людей, любитъ потому, что видитъ въ нихъ слабыхъ, несовершенныхъ, но все же единственныхъ носителей человѣческаго прогресса и создателей будущаго соціалистическаго строя. И онъ живетъ между ними — учитель, другъ, товарищъ — распространяя свѣтъ и правду и самъ своею жизнью подавая примѣръ, какъ надо жить убѣжденному соціалисту. Знаменательно, что въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ для проживающихъ въ Парижѣ русскихъ, Лавровъ ярко выяснилъ, какое значеніе имѣетъ вообще эта пропаганда примѣромъ для всѣхъ, которые считаютъ себя не на словахъ только, а на дѣлѣ соціалистами-революціонерами. Чистый идеалъ и безупречная личная жизнь — таково требованіе, которое Лавровъ ставитъ искреннимъ борцамъ за будущее! Кому приходилось бывать въ Парижѣ и познакомиться съ Лавровымъ, тотъ не забудетъ этой

мощной фигуры, этихъ серебряныхъ прядей волосъ, обрамляющихъ обширный лобъ, лобъ юноши безъ малѣйшей морщины, этой бѣлой бороды патріарха, этихъ близорукихъ, но живыхъ и проницательныхъ глазъ, смотрящихъ на васъ сквозь очки и добродушно, и лукаво, этихъ благородныхъ и широкихъ жестовъ, которыми онъ сопровождаетъ свою рѣчь, и наконецъ самой этой рѣчи, исполненной глубокаго смысла и горячаго убѣжденія. Кто знаетъ Петра Лавровича по книгамъ, тотъ знаетъ лишь половину его сложной и вмѣстѣ съ тѣмъ строго цѣльной величавой натуры. И если бы пишущій эти строки не боялся оскорбить природной скромности Лаврова, онъ разсказалъ бы всѣмъ, какъ трудится, какъ живетъ въ своихъ маленькихъ трехъ комнатахъ, загроможденныхъ книгами, какъ и чѣмъ питается этотъ герой мысли и убѣжденія, этотъ вѣчно юный старикъ, которому не семьдесять пять лѣтъ, а трижды двадцать пять, и который, дѣйствительно, воплощаетъ въ себѣ энергію и революціонную страсть трехъ молодыхъ людей въ цвѣтѣ лѣтъ и борьбы!...

ИЗДАНІЯ
„Рабочаго Знамени":

1) **„Рабочее Знамя" № 1.** Органъ русской соціалъ-демократической партіи. 1800 экз.

2) **Боевой кличъ рабочаго класса.** Отдѣльный оттискъ изъ „Рабочее Знамя". 1000 экз.

3) **Краткая исторія французской революціи.** Передѣлка съ польскаго. 2000 экз.

4) **Біографія Петра Лавровича Лаврова.** Очеркъ его жизни и дѣятельности съ приложеніемъ портрета. 2500 экз.

5) **Шпіонъ.** Картинка изъ жизни. 2-ое изд. 3000 экз.

ИЗДАНІЯ „ГРУППЫ РАБОЧИХЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ":

1) **Секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 Августа 1897 г.** Три изданія; 8000 экз.

2) **Задачи русской рабочей партіи.** 1800 экз.

3) **Шпіонъ.** Картинка изъ жизни. 1-ое изд. 3000 экз.

